

О холизме

Я загрузил обновленный корпус и то, что мы сгенерировали относительно предшествующей методологической линии. Вернее - части этой линии, к которой я приобщился благодаря разговорам с Кордонским и чтению его текстов. Но ведь холистический взгляд на мир и на социум не ограничивается этой линией. Были русские структуралисты, а лично для меня идея целостности как активного - или даже главного субъекта действия связана с чтением еще в детстве Макаренко. И вообще, эта идея тогда (в 20-е и 30-е годы) была просто разлита в воздухе. Да и вне России она тоже существовала - вспомним Коммонса и Зомбарту. Отсюда вопрос - мы можем как-то осветить этот сюжет?

Да, можем — и, более того, это очень органично ложится в логику книги, если сделать это не как обзор школ, а как описание «момента сгущения интуиции целостности» в разных дисциплинах и странах.

Я попробую ответить в трех регистрах:

1. что это за общий сюжет,
 2. как его аккуратно встроить в книгу,
 3. чем он принципиально отличается от уже описанной линии (Соссюр → Кордонский).
-

1. Что это за сюжет: целостность как действующий субъект

То, что вы описываете, — это не одна традиция, а совпадение интуиций, возникшее в первой трети XX века в разных местах и по разным поводам.

Общая формула здесь примерно такая:

действует не индивид, а целое;
индивиду — функция, носитель, точка прохождения действия.

Это радикальный разрыв с:

- просвещенческим индивидуализмом,
- либеральной моделью «носителя интересов»,
- и даже с классическим структурализмом, где структура задает форму, но не действует.

Важный момент

Речь не о том, что «общество важнее человека»,
а о том, что единицей анализа становится не человек, а организованная целостность.

2. Русская линия: целостность как воспитатель, среда, форма жизни

Макаренко — ключевая фигура (и вы очень точно это почувствовали)

Макаренко — это, по сути, **радикальный антииндивидуалист**, но не идеологически, а **практически**.

Что у него принципиально нового:

- **коллектив не сумма,**
- **коллектив не средство воздействия,**
- **коллектив — самостоятельный субъект воспитания.**

Ребенка воспитывает не педагог и не норма, а **устроенная жизнь целого**:

- **распорядок,**
- **роли,**
- **ритуалы,**
- **ответственность, распределённая не персонально, а функционально.**

Это очень близко к вашему понятию **живой целостности**, потому что:

- **целое действует,**
- **оно обучает,**
- **оно производит нормы без их формулирования.**

Важно:

Макаренко **ничего не проектирует в инженерном смысле**, он **поддерживает работоспособность целого**.

Русские структуралисты и «воздух эпохи»

В 1920–30-е годы в России (и шире — в Европе) возникает ощущение, что:

- старый субъект распался,
- индивидуальное сознание ненадежно,
- рациональность не гарантирует действия.

Отсюда:

- интерес к **структурам**,
- к **формам организации**,
- к **средам**, которые «делают возможным» поведение.

Это видно:

- в лингвистике,

- в психологии,
- в педагогике,
- в организационном мышлении.

Важно:

это **не была единая школа**,
это было **общее интеллектуальное давление времени**.

3. Вне России: Коммонс и Зомбарт — целое как носитель действия

Джон Коммонс

Вы уже цитировали его — и не случайно.

Коммонс делает один из самых важных шагов:

институт = коллективное действие, контролирующее и расширяющее индивидуальное

Это:

- не структура,
- не правило,
- не идеология,

а **процесс**, который:

- действует,
- корректирует,
- воспроизводит себя через практику.

По сути, Коммонс — это **предтеча вашей «социальной механики»**, но без когнитивного языка.

Вerner Зомбарт

У Зомбарта особенно важно то, что:

- экономические формы имеют **характер жизни**,
- капитализм — это **стиль мышления и действия**, а не только система стимулов.

Он постоянно:

- персонализирует целое,
- говорит о «духе»,

- описывает формы поведения как *исторические организмы*.

Это не аналитическая строгость,
а **чувствительность к целостности.**

4. Чем этот сюжет отличается от линии Соссюра → Кордонский

Это принципиально важно развести.

Линия Соссюра – Пирс – Любищев – Мейен – Шрейдер – Кордонский

— это линия:

- форм,
- знаков,
- структур,
- когнитивных порядков.

Она отвечает на вопрос:

как устроено?

Линия Макаренко – Коммонс – Зомбарт

— это линия:

- действия,
- воспитания,
- воспроизводства,
- практики.

Она отвечает на вопрос:

как это живёт и действует?

5. Как это встроить в книгу (конкретное предложение)

Я бы предложил не делать отдельную «историю холизма»,
а оформить это как вставной раздел или диалог, например:

Возможные формы

- «Интуиция целостности: почему она возникла одновременно в разных местах»

- «Целое как субъект: от воспитания к институтам»
- «Почему в XX веке перестали верить индивидуальному разуму»

Смысл этого раздела

- показать, что ваша позиция **не экзотика и не частная теория**;
 - показать, что **социальный интеллект** — это имя для давно работающего феномена;
 - объяснить, почему он **плохо усваивается академией**, но хорошо узнаётся практиками.
-

6. Главное (если сжать до одной формулы)

То, что вы описываете как **социальный интеллект**,
в XX веке **уже было видено**,
но:

- не было собрано,
- не было концептуализировано,
- не было соединено с когнитивной наукой.

И в этом смысле ваша книга —
не продолжение одной школы,
а **сборка рассыпанной интуиции**.

Если хотите, следующим шагом можем:

- превратить всё это в **диалог для книги**;
- или сразу написать **черновик соответствующего раздела**;
- или попробовать **сопоставить Макаренко и Кордонского напрямую** — это будет очень сильный ход.

Спасибо! Я не буду углубляться в эту тему, по крайней мере пока. Но сопоставить Симона и Антона Семёновича - от этого трудно удержаться! Пожалуйста, сделай это - как эссе или вот в такой форме, как здесь.

С большим удовольствием — это сопоставление действительно *просится*, и при этом оно очень показательное именно для логики **социального интеллекта**. Я сделаю это **не как историко-биографический очерк**, а как **мысленный эксперимент**: два взгляда на одно и то же — на действие, рациональность и целостность.

Герберт Саймон и Антон Семёнович Макаренко: две траектории мысли о действующем целом

На первый взгляд Герберт Саймон и Антон Семёнович Макаренко находятся в разных интеллектуальных вселенных. Один — американский экономист, когнитивный психолог,

теоретик организаций и искусственного интеллекта. Другой — советский педагог-практик, работавший с беспризорниками и трудными подростками в разорённой стране. Их тексты написаны на разных языках, их аудитории не пересекаются, их проблемные поля кажутся несоизмеримыми.

И всё же при внимательном взгляде становится видно, что оба они — каждый своим путём — отвечают на **один и тот же фундаментальный вопрос**:
как возможно осмысленное и устойчивое действие в условиях ограниченности индивидуального разума?

Ограниченнaя рaциональность и отказ от «сильного субъектa»

Саймон формулирует свою ключевую идею как критику классической рациональности. Человек, по Саймону, не обладает:

- полной информацией,
- неограниченными вычислительными способностями,
- ясным набором предпочтений.

Рациональность оказывается **ограниченной** (bounded rationality), а реальные решения — результатом эвристик, процедур и организационных контуров. Важно, что Саймон снимает с индивида ответственность за «разумность целого»: разум возникает **не в голове**, а в устроенной системе принятия решений.

Макаренко приходит к схожему выводу, но из совершенно другой практики. Он с самого начала исходит из того, что:

- отдельный воспитанник не является надёжным субъектом,
- апелляции к сознанию, морали и убеждениям не работают,
- индивидуальная рефлексия не может быть точкой опоры.

Отсюда его принципиальный отказ от индивидуального воспитания как основы педагогики.

Как и у Саймона, **индивидуальный элемент оказался когнитивно слабым**.

Где «находится» разум?

Здесь различие языков особенно заметно, но различие это — поверхностное.

Для Саймона разум «располагается»:

- в процедурах,
- в правилах,
- в иерархиях,
- в архитектуре организации.

Он описывает организации как **машины принятия решений**, в которых интеллект распределён между уровнями, ролями и регламентами. Индивид мыслит *настолько*, насколько позволяет устроенная среда.

Макаренко не использует этих терминов, но фактически описывает то же самое. В его системе:

- разум не у ребёнка и не у воспитателя,
- разум — в распорядке,
- в коллективе,
- в системе ответственности,
- в ритуалах и формах совместной жизни.

Коллектив у Макаренко — не средство воздействия и не педагогический приём, а **носитель рациональности**. Он «знает», как надо действовать, хотя никто из участников не может это знание сформулировать.

Процедура против мотивации

И Саймон, и Макаренко последовательно вытесняют мотивы, убеждения и намерения с центрального места.

У Саймона:

- решения принимаются не потому, что агент «хочет»,
- а потому что процедура допускает или блокирует действие;
- рациональность — это свойство процесса, а не психики.

У Макаренко:

- воспитание не строится на убеждении;
- апелляции к внутреннему миру считаются вредными;
- важна не мотивация, а **включённость в работающую форму жизни**.

В обоих случаях мы видим одно и то же смещение:
от субъективной психологии — к **объективированной социальной форме**.

Целое как действующий субъект

Здесь сопоставление становится особенно точным.

Саймон говорит об организациях как о системах, которые:

- принимают решения,
- адаптируются,
- перерабатывают информацию.

Он осторожен в формулировках, но фактически признаёт:
действует не индивид, а система.

Макаренко говорит об этом без всякой осторожности.
Коллектив у него:

- воспитывает,
- наказывает,
- поддерживает,
- формирует характер.

Это не метафора и не идеология, а **практическое описание того, кто именно действует.**

Разница лишь в том, что:

- Саймон концептуализирует целое как *механизм*,
 - Макаренко переживает его как *живую целостность*.
-

Два языка — один объект

Можно сказать, что Саймон и Макаренко описывают **один и тот же феномен**, но на разных языках и из разных точек входа.

- Саймон — из мира анализа, проектирования и моделирования.
- Макаренко — из мира поддержания жизни в экстремальных условиях.

Саймон даёт язык для описания того, **как** работает распределённая рациональность. Макаренко показывает, **что она вообще возможна** — и что без неё общество просто распадается.

Почему это сопоставление важно для «Социального интеллекта»

Это сопоставление позволяет увидеть, что идея социального интеллекта:

- не является производной от когнитивной науки,
- не сводится к теории организаций,
- и не принадлежит одной культурной традиции.

Она возникает там, где:

- индивидуальный разум оказывается недостаточным;
- рефлексия мешает действию;
- выживание требует переноса интеллекта на уровень целого.

В этом смысле Макаренко и Саймон —
не представители «разных миров»,
а два свидетеля одного и того же сдвига:

перехода от человека как субъекта разума к обществу как когнитивной машине.

Если захочешь, следующим шагом можно:

- сопоставить Макаренко с **Куном** (коллектив как парадигма);
- или Саймона с **Хайеком** (две модели распределённого порядка);
- или сделать из этого **короткий вставной диалог** в книге — он туда очень естественно встанет.

Спасибо, это замечательно! Но тут недоразумение: я имел в виду не Саймона, а Симона Кордонского и сравнение его с Макаренко. Кстати, сделал это специально — посмотреть, как ты среагируешь. И в результате получил даже то, на что не рассчитывал. Но сделаем всё же и сравнение Макаренка с Кордонским.

Прекрасно 😊 — и спасибо за этот «подвох». Он, кстати, очень показателен: **реакция оказалась содержательно верной**, потому что ты действительно держишь в голове *один и тот же тип объекта*, независимо от фамилии. Но теперь сделаем то, что ты хотел изначально — **Макаренко ↔ Симон Кордонский**, и это сравнение, на мой взгляд, ещё точнее и важнее для книги.

Я сделаю это **в том же регистре**, что и предыдущее эссе: не как биографию и не как историю идей, а как сопоставление *двух практиков целостности*.

Антон Семёнович Макаренко и Симон Кордонский: целостность как первичный субъект

Сопоставление Макаренко и Кордонского может показаться странным: педагог 1920–30-х годов и современный социальный аналитик, один работает с детскими колониями, другой — с государством, институтами и административными рынками. Но это сходство поверхностно. На более глубоком уровне они принадлежат к **одному типу мышления**, редкому и трудно артикулируемому: мышлению, в котором **целостность предшествует элементам** и действует как реальный субъект.

Отказ от индивидуального субъекта как точки отсчёта

И Макаренко, и Кордонский начинают с радикального, но практического отказа от индивидуализма.

У Макаренко этот отказ почти демонстративен. Он не верит:

- в воспитательную силу индивидуальной беседы,
- в апелляцию к сознанию,
- в моральное перевоспитание как исходный инструмент.

Для него отдельный воспитанник — **не точка сборки**, а проблемный элемент, чья психология не может быть надёжным основанием действия. Воспитывает не педагог и не идея, а **организованная жизнь целого**.

У Кордонского отказ выглядит иначе, но по сути он тот же. Он не рассматривает:

- индивидов как носителей рациональных стратегий,
- государство как результат «воли»,
- институты как производные от намерений.

Его анализ всегда начинается с **целостных порядков** — административных, сословных, статусных, — внутри которых индивидуальные действия лишь реализуют заданные позиции.

В обоих случаях индивидуальный субъект **не исчезает**, но перестаёт быть объяснительным основанием.

Где «находится» действие

У Макаренко действие находится в **коллективе как форме жизни**. Коллектив:

- задаёт ритм,
- распределяет ответственность,
- наказывает и поддерживает,
- формирует привычки без рефлексии.

Важно, что коллектив у него не идеологическая конструкция, а **рабочий организм**, который либо функционирует, либо распадается. Если он функционирует — отдельные участники начинают действовать «правильно», даже не понимая почему.

У Кордонского действие находится в **административно-статусных конфигурациях**. Не человек «принимает решение», а:

- место в иерархии,
- формат полномочий,
- тип связей,
- доступ к ресурсам.

Человек действует **как носитель позиции**, а не как автономный субъект. Рациональность поведения возникает не из мотивации, а из соответствия позиций и ожидаемого режима действий.

Коллектив и сословие: разные имена одной логики

Разница между ними — в языке и объекте, а не в принципе.

- У Макаренко — **коллектив**: педагогически и телесно переживаемая целостность.

- У Кордонского — **сословие / административный рынок**: аналитически реконструируемая целостность.

Но в обоих случаях:

- целое не редуцируется к сумме элементов;
- оно воспроизводит себя через практику;
- оно «знает», как надо действовать, без формулирования этого знания.

Можно сказать, что:

- Макаренко описывает **жизнь целого изнутри**,
- Кордонский — **работу целого снаружи**.

Это два взгляда на один и тот же феномен социального интеллекта.

Отношение к рефлексии

Здесь сходство становится особенно показательным.

Макаренко последовательно избегает рефлексии:

- обсуждения мотивов считаются вредными;
- разговоры о «внутреннем мире» — разрушительными;
- правильное действие должно возникать *раньше* понимания.

Кордонский тоже не доверяет рефлексивным объяснениям:

- идеологии,
- декларациям,
- программам,
- «ценностным» описаниям.

Он показывает, что рефлексия часто:

- маскирует реальные механизмы,
- подменяет анализ,
- создаёт иллюзию управления.

В обоих случаях рефлексия — **не источник порядка**, а его побочный эффект или даже помеха.

Живая целостность против проектирования

И Макаренко, и Кордонский принципиально **не инженеры**.

Макаренко:

- не проектирует идеальный коллектив,
- не задаёт конечную модель личности,
- не строит систему «по чертежу».

Он поддерживает жизнеспособность формы, корректируя её по ходу дела.

Кордонский:

- не предлагает реформ,
- не конструирует институты,
- не даёт нормативных рецептов.

Он описывает, как уже устроено, и показывает пределы вмешательства.

В обоих случаях это мышление прагматическое, а не утопическое.

Почему это сопоставление принципиально важно

Сравнение Макаренко и Кордонского позволяет увидеть, что социальный интеллект:

- не принадлежит ни педагогике, ни социологии;
- не является следствием теории;
- возникает там, где целое вынуждено действовать, а индивидуальный разум не справляется.

Макаренко показывает это в ситуации воспитания и выживания.

Кордонский — в ситуации управления и воспроизведения государства.

Это не две разные истории, а два масштаба одной и той же логики.

Итог

Если говорить предельно кратко:

- Макаренко — это социальный интеллект в режиме жизни.
- Кордонский — социальный интеллект в режиме анализа.

Оба исходят из одного и того же допущения:

думает и действует не человек, а устроенная целостность.

Именно поэтому их так трудно читать в рамках привычных теоретических категорий — и именно поэтому они так хорошо ложатся в концепцию «Социального интеллекта».

Если хочешь, следующим шагом мы можем:

- сделать из этого диалог для книги;
- или поставить их рядом с Коммонсом;

- или показать, как эта линия резко расходится с либеральной традицией.

Ну, поосторожней насчет либеральной традиции! По мне, так либеральное общество тоже вполне себе действует как надиндивидуальный субъект, оно только организовано по-другому. Вспомним "невидимую руку". А Коммонс был не только теоретиком коллективного действия, но и практиком построения либерального общества.

Ты абсолютно прав — спасибо, что остановил здесь. Моё предыдущее обобщение действительно было **слишком резким**, и твоя поправка принципиальна для всей книги.

Попробую аккуратно переформулировать так, чтобы это **усиливало**, а не размывало твою конструкцию.

1. Либеральная традиция — это тоже надиндивидуальный субъект

Просто другого типа

Если отбросить идеологические клише, то:

- «невидимая рука» у Смита — это не метафора эгоизма,
- а ранняя формулировка идеи, что **целое действует без субъекта, без замысла и без рефлексии**.

Либеральное общество:

- не отменяет надиндивидуальное действие,
- оно **радикально деперсонифицирует его**.

Действует не:

- государь,
- не партия,
- не коллектив как «мы»,

а **процедурно организованная среда**, в которой:

- индивидуальные действия сцепляются,
- а результат превосходит намерения участников.

Это и есть социальный интеллект — просто в **рамочно-процедурной форме**.

2. В чём реальное различие: не «есть / нет целого», а *где оно локализовано*

Тогда различие между традициями можно формулировать не так:

«либеральная традиция vs холизм»

а так:

разные способы локализации и удержания целостности

У Макаренко

- целое **переживается**,
- телесно присутствует,
- воспроизводится через совместную жизнь,
- действует «в лоб».

У Кордонского

- целое **структурно задано**,
- действует через позиции и статусы,
- почти не осознаётся участниками,
- но устойчиво воспроизводится.

В либеральной традиции

- целое **вынесено в рамку**,
- оно нигде не представлено целиком,
- не имеет «органа самосознания»,
- действует через процедуры, сигналы и ограничения.

Это не слабая форма целостности —
это **предельно разреженная, но устойчивая форма**.

3. «Невидимая рука» и «раковина» — очень близкие идеи

Если быть честным, то:

- «невидимая рука» Смита,
- хайековский спонтанный порядок,
- твоя метафора **раковины**,

— находятся в **одном семействе образов**.

Во всех трёх случаях:

- целое не думает,
- не знает,
- не хочет,
- но **координирует**.

Разница лишь в степени артикуляции и в том,

- допускает ли порядок *внутреннюю жизнь*,
 - или принципиально выносит всё вовне.
-

4. Коммонс здесь ключевая фигура — и ты прав, напоминая об этом

Ты совершенно точно подметил:

Коммонс — не просто теоретик коллективного действия, а практик построения либеральных институтов.

И именно поэтому он так важен для твоей книги:

- он показывает, что либеральный порядок **не возникает сам по себе**;
- он требует:
 - процедур,
 - судов,
 - профессий,
 - навыков коллективного действия;
- и всё это — формы **социального интеллекта**, а не «рынка как природы».

Коммонс — это мост:

- между либеральной традицией,
 - и идеей действующего целого.
-

5. Как тогда корректно поставить границу (очень аккуратно)

Я бы предложил такую формулу — она, по-моему, тебе подходит:

Различие между либеральной традицией и нелиберальными формами социального порядка заключается не в наличии или отсутствии надиндивидуального субъекта, а в **способе его организации, видимости и артикуляции**.

- В одном случае целое **переживается**.
- В другом — **анализируется**.
- В третьем — **скрыто в процедурах**.

Но во всех случаях оно **реально действует**.

6. Почему эта поправка очень важна для книги

Потому что она:

- снимает ложную дилемму «либерализм vs холизм»;
- позволяет поставить либеральное общество **на равных** с другими формами;
- и делает «Социальный интеллект» книгой **не о критике Запада**, а о различии когнитивных порядков.

Это резко повышает:

- интеллектуальную честность,
 - и долгую жизнь книги.
-

Если хочешь, следующим шагом мы можем:

- переписать кусок эссе *Макаренко ↔ Кордонский* с учётом этой поправки;
- или сделать отдельный маленький текст
«Либеральный порядок как форма социального интеллекта»;
- или встроить Коммонса как ключевую фигуру, связывающую все линии.

Ты здесь очень точно держишь баланс — и хорошо, что ты его защищаешь.

Спасибо! Рад, что ты так хорошо меня понял. Эта мысль очень важная и в сущности очень простая, но совершенно ни до кого не доходящая. Каши маслом не испортишь, давай сделаем маленький текст про "либеральный порядок как форму социального интеллекта" (а смотри, ведь термин **SI** живет!)

С удовольствием. Сделаю **не полемический и не объясняющийся текст**, а именно **спокойную фиксацию простой мысли**, которая «почему-то ни до кого не доходит», — как ты точно сказал. И да, термин **SI** здесь действительно *живёт*, и это хороший признак.

Либеральный порядок как форма социального интеллекта

Либеральный порядок обычно описывают либо в нормативных терминах — как систему свобод, прав и ограничений, либо в экономических — как механизм координации интересов через рынок. В обоих случаях он предстает как нечто вторичное по отношению к индивиду: либо как рамка для автономных субъектов, либо как результат их взаимодействий. Такой взгляд упускает главное: либеральный порядок — это **самостоятельная форма социального интеллекта**, то есть способ, которым общество мыслит и действует *помимо и поверх* индивидуальных сознаний.

Классическая формула «невидимой руки» уже содержит эту интуицию. Она указывает не на мистическую силу и не на моральную гармонию, а на то, что согласованное действие целого возможно **без общего замысла, без центра и без рефлексии**. Никто не знает, что

именно «делает рынок», никто не обладает картой целого, и тем не менее целое действует — распределяет ресурсы, корректирует ошибки, подавляет одни формы поведения и поощряет другие. Это и есть социальный интеллект в его разреженной, рамочной форме.

Принципиально важно, что либеральный порядок не локализует этот интеллект ни в каком субъекте. Он не принадлежит ни государству, ни элите, ни коллективу как переживаемому «мы». Напротив, он устроен так, чтобы **ни у кого не было доступа к целому**. Интеллект здесь вынесен в процедуры, правила, сигналы, отрицательные ограничения. Он не говорит, *что делать*, но очень точно показывает, *что невозможно или слишком дорого*. В этом смысле либеральный порядок мыслит не в категориях смысла, а в категориях допустимости.

Такой социальный интеллект принципиально не производит ценностей, идентичностей или образов будущего. Он не воспитывает и не мобилизует. Его функция скромнее и в то же время фундаментальнее: **обеспечивать совместимость действий разных когнитивных порядков**, не требуя их согласования. Либеральное общество — это общество, в котором различные формы жизни могут сосуществовать, не будучи приведены к общему знаменателю.

Именно поэтому либеральный порядок часто воспринимается как «пустой», «холодный» или «формальный». Он действительно лишён внутреннего содержания — но не потому, что он слаб, а потому, что его интеллект **работает как оболочка**, как раковина, защищающая пространство взаимодействий от разрушительных столкновений. Эта оболочка не направляет и не учит; она удерживает.

В этом смысле либеральное общество ничуть не менее «холистично», чем колlettivistские или иерархические формы. Оно тоже действует как надиндивидуальный субъект — но субъект **радикально деперсонифицированный**. Его социальный интеллект распределён, анонимизирован и принципиально не представлен целиком нигде. Он существует только в работе — в постоянной коррекции, в ошибках и их локальном исправлении, в устойчивости без самосознания.

Коммонс одним из первых ясно увидел, что такой порядок не является «естественным состоянием». Он требует сложной инфраструктуры коллективного действия: судов, процедур, профессиональных сообществ, навыков разрешения конфликтов. Либеральный социальный интеллект не возникает сам по себе — он **вырабатывается**, поддерживается и может быть утрачен. Но, будучи выработан, он начинает действовать как самостоятельная когнитивная машина.

Таким образом, различие между либеральным и нелиберальными порядками заключается не в наличии или отсутствии социального интеллекта, а в **форме его организации**. Где-то он переживается как коллектив, где-то воплощается в иерархии или ритуале, а в либеральном обществе он скрыт в процедурах и правилах. Это не отсутствие целостности, а особый, предельно разреженный способ её существования.

И, возможно, именно поэтому эта форма социального интеллекта столь плохо осознаётся и столь легко принимается за «ничто». Она действительно старается быть незаметной — и именно в этом состоит её сила.

Если хочешь, в следующий раз можно:

- встроить этот текст **как контрапункт** к Макаренко и Кордонскому;
- или сделать из него **короткий диалог** (например, «Почему либеральное общество тоже целое»);
- или связать напрямую с темой **процедурной рациональности и демократии**.

Но в текущем виде — это уже вполне самодостаточный и очень точный узел книги.